

Георгий Азановский

Христиане

16+

Георгий Азановский
Христиане

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Азановский Г. А.

Христиане / Г. А. Азановский — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Четвертый век нашей эры. Разгар Великого гонения на религию христиан. Несколько праведников пытаются убить тирана-императора Максимиана, дабы изменить ход истории.

Георгий Азановский

Христиане

2019 год

Книга первая

Истязание

Глава первая

Иудейская ночь

«... И вот появился, по неизмеренному предопределению времени, воистину новый народ, не малый, не слабый и осевший не в каком-то уголке земли, но из всех народов самый многочисленный и благочестивый, неистребимый и непобедимый, ибо Бог всегда подает ему помощь. Народ этот у всех почтен именем, происходящим от имени Христа».

Евсевий Кесарийский. Церковная История.

Темная густая ночь опустилась на иудейскую землю. Мрак покрыл собой весь величественный и многострадальный город, лишь стены спящих домов были озарены лунным светом. Дом влиятельного сенатора Ахиллы располагался на углу роскошного и облагороженного городского квартала. Несколько теней, одна за другой, промелькнули на стене противоположного здания. Внимательный наблюдатель, если бы таковому пришлось бы присутствовать в этот момент поблизости и мельком заметить эти крадущиеся тени, обязательно обратил бы свое внимание на то, что в руке каждой из них виднелся предмет, отчетливо похожий на крупный и острый нож. Одна из теней была лишь немного меньше остальных.

Грозные тени, которые, словно опасавшийся страшной беды как можно сильнее пытался выделить лунный свет, мелькнули рядом с домом популярного римского сенатора. В темноте раздался едва слышный грозный призыв к чему-то опасному, а затем, по отчетливому шороху листвы, обрамлявшей высокий каменный забор сенатского дома, можно было понять, что кто-то собирается попасть в богатый сад римского сенатора.

Трое незнакомцев в черных одеяниях слегка пригнувшись, но весьма решительно, приближались к дому Ахиллы. К большому несчастью предполагаемой жертвы, стража в эту ночь возле сенаторского дома была незначительной. Никогда бы столь уважаемый и любимый в Иудее человек не смог бы даже подумать, что кто-то посмеет вскинуть на него руку с ножом. Неподалеку от высокой каменной лестницы, ведущей к просторному входу богатого дома, страшные незваные гости разделались. Ловко и решительно взобрались они по каменным выступам на просторную галерею, украшавшую собой второй этаж особняка. Дежурившие здесь стражники, неустанно следившие за безопасностью своего спящего патрона, оказались беззащитны перед коварством ловких и испытанных убийц. Из их перерезанных шейных артерий ручьями полилась свежая кровь. Ножи хладнокровных ночных посетителей были готовы исполнить свое дело, поэтому оказались заранее хорошо заточены.

Сон сенатора был крепок. Лишь слишком громкий шорох и возня вокруг его просторного ложа, заставили популярного сенатора открыть свои глаза. Его объял неопикуемый страх, когда перед своей кроватью он увидел две человеческие фигуры в темных одеяниях, покрывавших их с ног до головы. Лица таинственных незнакомцев, освещаемые лунным светом, казались очень бледными. В руках их виднелись огромные ножи. Люди, вторгшиеся в покои сенатора,

смотрели на него свирепым взглядом, как будто он был их давним заклятым врагом. Сенатор вдруг собрался возмущенно закричать, но внезапно он впал в суеверный ужас.

Как пожилой человек, Ахилла очень боялся смерти. Порою в ночи, в полном одиночестве, ему начинали мерещиться кошмары. Нередко в них слишком восприимчивый сенатор представлял себя мертвым. И вот уже он представлял, как от мрачных ночных стен отделяются фантастические фигуры посланников из мира мертвых...

Подобное видение представилось ему и сейчас, когда, в разгар слишком лунной ночи, он увидел перед собою эти странные фигуры, неведомым образом попавшие в его тщательно охраняемые покои.

– Кто вы такие...?! – машинально, но очень хладнокровно и отчетливо произнес сенатор, обращаясь к страшным ночным посетителям.

– Стража! – тут же во всю глотку прокричал собравшийся с духом сенатор. – Стража!

– Ахилла! – громко произнесла одна из черных теней, лица которой в темноте нельзя было разобрать. – Ахилла, мы пришли к тебе ради мести.

Незнакомец резко и высоко взмахнул своей рукой, в которой при лучах лунного света ярко блеснуло холодное лезвие ножа.

– Ради мести за наших погибших братьев, Ахилла! – вдруг резко вскричала вторая тень.

– Не смейте, безумцы! – выкрикнул изо всех сил Ахилла.

Нож хладнокровного убийцы, с тяжестью опустившийся на него сверху, стремительно пробил грудную клетку старика-сенатора. Из груди Ахиллы начала сочиться густая темно-красная кровь. Жизнь в теле сенатора начала стремительно угасать. Из открытого рта старика раздался лишь один, последний, предсмертный вопль.

Убийца хотел нанести еще один уверенный удар в мертвое тело ненавистного сенатора, но напарник ловко остановил его руку.

– Кифа! Довольно свирепствовать! – прокричал помощник убийцы. – Старик уже мертв! Погубитель римского сенатора обернулся и свирепо взглянул на своего спутника.

– Что ты лезешь?! – прокричал он. – Видишь ты, что я еще не закончил?!

– Идем, безумец! Марк уже закончил свое дело! – напарник положил свою руку на плечо Кифы.

Тот в последний раз взглянул на мертвое тело Ахиллы, которое распласталось на окровавленной широкой кровати. Спустя мгновение убийца последовал за своим другом в распахнутую дверь, ведущую на просторную балюстраду, ограждавшую второй этаж senatorского дома. По тем же самым выступам, с помощью которых они поднялись в спальню сенатора, Кифа и его спутник осторожно и почти бесшумно опустились в покрытый темнотой роскошный сад перед домом покойного Ахиллы.

– Наше дело сделано, – тихо проговорил напарник, – теперь главное, чтобы мальчишка выполнил все, что мы ему поручили.

– Спокойно, он знает, я научил его, – тихо проговорил Кифа, – мальчик выполнит все, что мы ему поручили...

Маленькая тень мелькнула вдоль освещенной стены дома покойного сенатора. Ночные гости, затаившиеся в пышном саду, услышали легкие шаги юношеских ног.

– Марк! Поторопись! – негромко прокричал Кифа, махнув рукой бежавшему в их сторону мальчику в темном одеянии.

В руках мальчишки виднелось несколько небольших кожаных мешочков, которые он крепко и бережливо сжимал обеими ладонями.

– Ты взял все, чтобы было велено? – сурово спросил спутник Кифы у подбежавшего к ним мальчика.

Юноша, чье лицо было наполовину скрыто темной накидкой из легкой, почти полупрозрачной, ткани, лишь слегка кивнул головой. Его руки еще крепче прижали к груди заветные мешочки.

– Довольно, идем, – решительно скомандовал Кифа, – римская стража сейчас будет здесь.

Он стремительно направился к высокой каменной ограде, отстроенной вокруг сенаторского особняка. Напарник-убийца и юноша со скрытым личиком последовали вслед за Кифой.

– Я чувствую богатый улов! – проговорил с хитрой улыбкой на своих губах напарник Кифы.

Ухмылка эта ничуть не красила его молодое лицо, покрытое, однако, некрасивой рыжеватой бородой. Своими худыми, волосатыми руками он ухватился за выступы в ограде и ловко начал перелезать через нее.

Кифа уже успел перебраться через ограждение и покинуть территорию убитого им знатного римлянина. Пугливо стоя возле стены, он то и дело оглядывался, опасаясь появления какой-нибудь внезапной опасности.

– Трусливая шкура! – прошипел Кифа, когда увидел, что его старший спутник спускается со стены. – Тебе следовало вначале помочь мальчику! У него в руках наша нажива!

Оскорбленный таким образом напарник метнул на Кифу свирепый взгляд.

– Твой ягненок и сам может позаботиться о себе, – прошипел он в ответ Кифе, – если хочешь, помогай ему во всем сам!

– Он наш брат! Такой же, как и мы с тобой! Одной крови и одной веры! – вскричал Кифа.

Но он тут же успокоился, когда увидел, что их скромный юный спутник безопасно перебрался сквозь высокую каменную преграду, сохранив при этом все похищенные из богатого дома драгоценности.

– Ну вот, он здесь! – проговорил спутник Кифы. – Живой и дышащий, и на своих ногах. Ты рад?

Где-то поблизости раздавался топот солдатских ног и звучные голоса римских солдат. Кифа приложил указательный палец к своим губам, приказывая обоим своим соучастникам замолчать. Слегка пригнувшись, он последовал на другой конец улицы, там, где царил совершенный мрак из-за тени стоявших плотной стеной двухэтажных домов городской знати.

Махнув рукой, он повелел своим соратникам быстро следовать за ним. Мальчик и мужчина преодолели освещенную ночными факелами улицу и мгновенно растворились в ночной темноте.

Стража ворвалась в дом сенатора Ахиллы, найдя его бездыханное окровавленное тело на испачканной кровати. Неизвестные убийцы всеми любимого в Иудее щедрого римского патриция бесследно растворились в густой и темной иудейской ночи.

Глава вторая

Ихтис

Песчаная пыль, жара и запах жареного мяса царили в этот знойный летний день на рыночной площади. Отовсюду раздавались неприветливые крики решительных торговцев и перезвон дорогой посуды. Люди в разных одеяниях, бедных и роскошных, с закрытыми и открытыми лицами, шагали в разные стороны. Кто-то молчаливо оценивал предлагаемый ему товар, кто-то бурно и отчаянно торговался с владельцем утвари или вкусной снеди. Был самый разгар дня, солнце нещадно жгло оголенные людские участки тела, а надоедливые жирные мухи оседали на лицах людей и открытой пище.

Кифа не любил посещать рынок, ему здесь все казалось слишком омерзительным. Он был убежденным верующим, и старался, в угоду своим наставникам, отказаться от любых искушений, которыми было так богато это злополучное место. Он был полностью предан своему брат-

ству и был готов пожертвовать ради своих братьев все самым дорогим, что было в его жизни. Кифа чувствовал себя почти святыми и безгрешным. Но только один порок, как он считал, отделял его от полной душевной чистоты.

– Кифа! Брат! – раздался голос позади него.

Как раз в этот момент Кифа прильнул к прохладной стене одного из небогатых домов, расположенных на краю рыночной площади. На мгновение он закрыл глаза, чтобы дать своему сознанию отдохнуть от удушливой жары и шума, царившего повсюду на улице.

Чья-то мягкая рука коснулась его плеча. Кифа обернулся. Рядом с ним стоял Давид – его вчерашний спутник в ночном рейде на дом сенатора Ахиллы. Его маленькие серые глазки тревожно бегали, а наглый рот был искривлен в уродливой усмешке.

– Молитва сегодня состоится, брат Кифа, – сказал Давид, разглядывая равнодушное лицо Кифы, – пойдем, брат, нас ждут...

– Ермон будет там? – тихо спросил Кифа.

– Именно он и собирает всех братьев из Йерушалайима, – ответил Давид.

– Тебе он велел быть особенно, – добавил он.

В темных глазах Кифы его собеседник прочел некую озабоченность.

– Ты знаешь, что он хочет мне сказать? – спросил он у Давида.

Тот озабоченно покачал головой.

– Нет, – как-то нервно ответил Давид, – но у меня есть некая мысль по этому поводу, и я знаю, с чем может быть связано его особенное приглашение...

Кифа на минуту смутился. Он разгадал ход мыслей своего собеседника. Молодые люди обернулись по сторонам, стараясь проверить, не подслушивает ли кто-нибудь их тихий разговор. Залитая солнцем и покрытая густым туманом от песчаной пыли улица была полна людей, уходящих и идущих в сторону кипящего торговлей рынка. Кто-то из прохожих оборачивался в сторону двух мирно беседующих юношей в черных одеяниях, удивляясь схожести в их одежде. Однако этот сиюминутный интерес мигом пропадал, когда прохожий начинал чувствовать запах благовоний исходящих от рыночных прилавков. Он быстро забывал о двух нелепых юнцах, стоявших в своей черной одежде на краю улицы, и спешил как можно скорее попасть в царство торговли и пьянящих ароматов.

– Тебе лучше молчать о своих нелепых догадках, брат, – грозно сказал Кифа Давиду, когда убедился, что никто за ними не наблюдает.

– Я желаю тебе блага, брат. – таинственно усмехнувшись, ответил Давид, – Я прекрасно понимаю, что может погубить тебя и твою душу.

– Вот и молчи. – грозно произнес Кифа, в упор глядя на своего соратника.

Давид ничего не ответил, но противная улыбка сошла с его губ.

– Теперь идем, – сказал Кифа, – если сам епископ Ермон желает меня видеть, значит так угодно ему и Всевышнему.

Давид лишь слегка кивнул головой и медленно пошел вслед за Кифой вниз по широкой улице, прочь от шумного и многолюдного рынка.

Они шли немного поодаль друг от друга, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания прохожих. Городские улицы были наполнены народом. До Кифы и его спутника периодически доносились слова, которые больше всего теперь волновали жителей всей провинции. Чувствовалось, что Город очень хорошо знал о вчерашнем страшном убийстве римского сенатора, и теперь с нетерпением и испугом ожидал реакции римлян. Однако повсюду, от дома к дому, среди иудеев царствовали одни слухи и догадки относительно реакции властей. Все знали лишь одно – кто убил. О, эти ненасытные фанатики, имя которых старались не произносить, стали бедствием не только для римских властей, но и для самой провинции. Эту огромную секту ненавидели многие, но еще больше ее боялись.

Кифа и Давид, проходя мимо того или иного человека, ощущали на себе ненавистный взгляд прохожего. Многие из здесь знали их, и знали, также, что эти двое проповедуют и кому поклоняются. Но выразить свое презрение к ним, многие открыто не решались.

– Так что же, брат? – вдруг остановившись и подождав своего сообщника, спросил Кифа. – Что теперь затевают безбожники и узурпаторы, известно тебе?

Давид стал почему-то угрюм и шел позади Кифы, низко склонив свою голову.

– В Город скоро должен прибыть Цезарь Максимин, – тихо ответил он, настигая Кифу, и остановившись рядом с ним. – для нас и всех братьев это не сулит ничего хорошего...

– Нам ни к чему бояться римлян и их власти, – сказал Кифа, – их могущество скоро закончится, власти их не суждено продолжаться дольше их правителей.

Давид не стал продолжать пространный диалог. Далее они продолжили свой путь в полном молчании. Целью их короткого путешествия был небольшой двухэтажный дом, расположившийся в глухом и темном переулке. Солнце почти не проникало в этот тесный и темный угол, поэтому тут царил приятная прохлада. Дом этот не представлял собой что-либо особенное. Большая темная дверь и несколько крохотных окон. Но наблюдательный его посетитель обязательно обратил бы свое внимание на некую деталь. На стене здания, рядом с входной дверью, красовалось некое изображение, начертанное, вероятно, какой-то яркой краской. Изображение это было сильно похоже на голый рыбий скелет. Никаких надписей возле столь странной картинки не было, и потому простой прохожий непременно принял бы ее за довольно странную фантазию неизвестного художника. Однако те из горожан, которых в те времена именовали презрительным словом «христиане», прекрасно знали этот знак. Это был их «ихтис» – изображение рыбы или ее скелета, как символ их религии, символ, в котором ловко скрывалось имя их главного божества и пророка.

Кифа и Давид также хорошо знали значение этого символа. Они осторожно и тихо подошли к массивной деревянной двери. Давид не спеша постучал в нее, ровно семь раз, как было условлено между ним и хозяевами этого жилища. Оба гостя застыли в тревожном ожидании. Спустя какое-то время они, содрогнувшись, услышали звук отворяющегося засова. Дверь распахнулась уже немолодая низкорослая женщина с седыми волосами и очень пронзительными серыми глазами. Ее одеяние было крайне бедным и потрёпанным, и лишь бусы из маленьких разноцветных камней, висевшие на толстой шее, придавали женщине немного более приличный вид.

– Он ждет вас. – сказала женщина совершенно равнодушным голосом, оглядев молодых мужчин и поняв, зачем они пришли.

Она пропустила их в дом. Кифа и Давид молча и почтительно вошли в прохладный мрак, который царил в этом бедном жилище. Оба они с каким-то особенным трепетом рассматривали порядок, царивший в доме. Но ничего примечательного юноши, как не старались, разглядеть не могли. В доме царил мрак из-за закрытых ставнями окон, глиняная серая посуда, ничем не наполненная, стояла в разных углах жилища, в воздухе стоял смрад от давно начистившейся одежды и грязных людских тел.

– Братья, прошу вас, – проговорила хмурая хозяйка почтенного дома, – будьте смиренны перед ним, ибо дух Его и здесь и сопровождает нас.

Кифа и Давид почти ничего не поняли в бормотании этой старой девы, однако в унисон кивнули ей в ответ.

Женщина нащупала своей старческой рукой небольшую деревянную дверь, которая хитроумно спряталась посреди грязных серых стен. С большим усилием надавив на нее, она сумела распахнуть эту крохотную дверцу. В открывшемся проеме Кифа и Давид увидели небольшой тоннель, ведущий в подвал дома. Где-то в самой глубине его юноши разглядели слабый мерцающий свет.

– Он там, внизу. – сказала женщина, отходя от прохода и приглашая юношей последовать вниз. – Братья с ним, и они ждут вас.

Молодые мужчины вступили в узкий и темный проход. Едва они продвинулись немного вниз, как услышали, что маленькая дверь позади них проворно захлопнулась. Внизу, там, где мерцал слабый отблеск костра, слышались чьи-то тихие голоса. Кифа и Давид без труда разобрали молитвенное песнопение.

– Они начали без нас! – недовольно сказал Кифа.

– Ну конечно, брат! – ответил ему Давид. – Я был вынужден искать тебя по всему проклятому рынку!

– Замолчи...

Голоса внизу вдруг стали тише. Казалось, что присутствовавшие там услышали шаги приближавшихся юношей.

Спустившись по узкому проходу в небольшую пещеру, Кифа и Давид смогли разглядеть несколько мужских силуэтов, которые окружали небольшой костер, горевший прямо на холодном каменистом полу. Все собравшиеся в этом небольшом потаенном месте были одеты в темные одеяния. Их лиц не было видно, но всех, кого Кифа и его спутник увидели в пещере, определенно можно было принять за мужчин.

Оба вошедших юноши в полумраке почувствовали, как на них внимательно смотрят все собравшиеся в этом странном месте.

Тем временем одна из темных фигур, до этого остававшаяся безучастной к появлению новых гостей, медленно повернулась в сторону Кифы и Давида.

– Братья, – прозвучал крепкий мужской голос, – вы здесь, я ждал вас...

Сказавший это указал вошедшим на свободное место возле костра.

Те послушно повиновались, прошли к указанному месту и не спеша сели, скрестив свои ноги.

Заговоривший с Кифой и Давидом оказался мужчиной средних лет. Свет, исходящий от костра, выхватил его лицо из полумрака и достаточно хорошо осветил его. Лицо мужчины еще было молодо, небольшая густая темная борода, лишь с небольшими проблесками седины, очень хорошо ему шла. Когда этот человек заговаривал, присутствовавшие могли любоваться его белоснежными и ровными зубами. Лоб его был невысоким, но этот недостаток затмевался красивыми темными волосами и густыми ровными бровями над большими черными глазами. Голос его был также лаконичен и красив, как и внешность этого благородного мужа. Для Кифы, который сел как раз напротив этого человека, не оставалось никаких сомнений – перед ним епископ христианской секты в Йерушалаиме – Ермон.

– Я благодарю небо, за то, что я вновь вижу тебя, милостивый мой учитель... – произнес с великим почтением в своем голосе Кифа.

Давид, сидевший рядом с ним, лишь слегка склонил голову в знак уважения перед таким влиятельным человеком.

– Успех вашей миссии минувшей ночью вселил в нас много радости, брат, – произнес Ермон, положив свою руку на плечо Кифы, – одним преступником и безбожником к радости нашей стало меньше.

Кифа одобряюще кивнул головой. В эту минуту он предвкушал от епископа много сладких почестей и похвалы за убийство неверного.

– Я бы хотел знать, учитель, пошло ли сокровище убитого сенатора, которое мы с таким трудом добыли, на помощь нашему братству? – вдруг произнес Давид.

Среди собравшихся возле скромного костра раздался неприязненный шепот.

Кифа увидел, как Ермон плавно отвел от него свой мягкий улыбчивый взгляд и перевел его на вопрошавшего.

– Несомненно, брат. – дружелюбно ответил Ермон. – Все, что вы передали в ту ночь моим посланникам, будет употреблено на благородное дело.

Давид хотел произнести еще что-то, но он слишком сильно почувствовал на себе все те неприязненные взгляды, которые были устремлены на него из полумрака. Гнетущая атмосфера тесной пещеры, маленьких и противных языков пламени, исходивших от костра, и удушливой духоты вдруг вскружили его голову.

– Но сегодня нас интересует более другое дело, дорогой брат. – продолжил свою речь Ермон. – Ходят слухи, что над тираном сгущаются тучи, и теперь он намерен выместить свою злобу на нас.

– Мучителю всего Востока и всех нас, праведных, скоро придет конец. – добавил вдруг в исступлении Ермон. – Сам Господь послал такое видение владыкам всех церквей.

– Теперь нам предстоит пережить великое мучение, – продолжал епископ, – и вы должны быть готовы к этому.

– Мы готовы, учитель, – самозабвенно произнес Кифа.

– Я знаю, – вновь обратился на него свой взор Ермон, – скажи только, готовы ли те, кого тебе вверили в учение?

– Да, учитель, – ответил Кифа, – юноша, которого ты вверил мне, готов разделить страдания с нами и перейти в царство Его.

Ермон ненадолго умолк. Он закрыл свои прекрасные глаза и сжал свои пухлые губы. Кифа, Давид и остальные братья, собравшиеся в этой душной пещере, молча ожидали его дальнейших слов.

– О, Максимиан... О, ненавистник нашего дела... – тихо проговорил епископ.

– Я вижу, что нам предстоят страшные гонения и истязания, – сказал Ермон, открыв глаза и посмотрев на собравшихся.

– Наш Бог с нами, учитель... – сказал внезапно Давид. – Убивать их, убивать безбожников... У нас теперь есть оружие, много оружия! Херем...

– Оставь, брат... – ответил Ермон. – Главное наше оружие это поклонение нашему Богу. Его воле мы полностью покоряемся... Он даст нам знать, когда настанет время херема.

Кифа и Давид рвались в бой, им хотелось еще больше крови. Они желали уничтожить как можно больше неверных и безбожников, хулителей праведной церкви. Недавнее их злодеяние, убийство безоружного богатого римлянина, которого они воспринимали как одного из самых яростных противников их возлюбленной секты, вселило в этих юношей еще больше алчности и злобы.

– Я прошу вас не забывать наши цели и наши заповеди, братья. – строго произнес Ермон.

– Все те сокровища, что вы принесли недавней ночью из дома проклятого Ахиллы, спрятаны. – продолжал епископ. – И они будут употреблены на приобретение оружия для борьбы с безбожниками. Но я прошу вас..., взываю к вам..., ничего не предпринимайте пока!

В глазах Давида сверкнула свирепая злоба.

– А как же кровь наших братьев, учитель?! Когда мы будем мстить им?!

Ермон поднял свою крепкую темную руку, желая остановить свирепого юношу.

– Время придет, и мы ударим им прямо в спину, – твердо произнес он, – но пока мы должны ждать...

– Ждать... ждать в то время, пока римляне хватают нас, мучают нас, скармливают зверям?! – опять надменно и свирепо воскликнул Давид.

– Ждать чего...? Пока нас совсем не останется? Когда совсем погибнет наше дело...?!

Лицо Давида исказилось от злобы. Он жаждал крови. Он хотел убивать.

Ермон видел это, видел это по его глазам. Этот юноша был опасен, опасен для окружающих, опасен для него самого.

– Учитель сказал тебе... Время еще не пришло! – вдруг попытался усмирить его Кифа. – Чего ты добиваешься своей свирепостью?

– Я хочу, чтобы убийцы наших братьев получили свое! – строго сказал Давид. – Вместо этого мы получаем ежедневные пустые проповеди!

Давид был взбешен, теперь он решил высказать епископу свое негодование.

– Ты должен объявить херем, учитель. – сказал он, прямо смотря в глаза епископу.

Ермон продолжительное время молчал. Спустя время слегка склонил свою голову и покачал ей.

– Я не стану выполнять твои излишние просьбы, брат Давид, – сказал епископ, – А тебя самого, брат, я прошу покинуть дом сей.

Давид был удивлен. Тем не менее, он не заставил себя ждать. Быстро поднявшись со своего места, он направился к узкому каменному выходу из темной пещеры.

– Жди меня, брат... – проговорил ему вслед Кифа.

Как только Давид исчез из темного склепа, расположенного прямо под домом уважаемого епископа, среди собравшихся в темноте людей раздался недовольный ропот.

– Этот детеныш погубит и себя и своих братьев, епископ! – сказал один из людей в черном одеянии.

– Его нужно отдалить от всей нашей веры, и от его братьев тоже!.. – раздался другой недовольный голос.

– Убрать его... – вновь прозвучало в полумраке пещеры.

Кифа ждал того, что ему скажет Ермон. Он не обращал никакого внимания на возгласы темных фигур возле костра. Взгляд его был сосредоточен лишь на лице своего любимого учителя.

– Тихо, братья, молю вас... – проговорил епископ.

В полумраке пещеры вновь установилась тишина. Костер на каменной плите почти догорал.

– Я вверяю заботу об этом заблудшем человеке ему, – сказал епископ, указав своей рукой на Кифу, – пусть он примет решение, что делать с этим помешанным убийцей.

Кифа кивнул головой в знак согласия взять на себя решение судьбы Давида.

– Более того, ему я вверяю право руководить судом... – продолжил епископ.

– Судом над безбожниками и богохульниками, правом устроить херем!

Последние слова епископа Ермона вызвали большое волнение среди собравшихся. Кифа был удивлен, он с непониманием и вопросом в глазах своих смотрел на епископа.

– Тебе, тебе, сын мой, предстоит руководить восстанием, в котором мы покараем всех наших притеснителей! – продолжал в жутком исступлении епископ. – О, мы обрушим на них наш гнев, мы будем убивать их во имя Бога нашего, кровью и страданием заполним всю эту землю...

Кифа как и епископ пребывал в радостном исступлении. Слова Ермона, и его искренняя любовь к своим ученикам вдохновила и вселила в него большую радость.

– Суд над безбожниками мы начнем тогда, когда главный мучитель вернется в Иудею. – сказал Ермон, выходя из своего пугающего исступления. – Ты должен подготовить свою паству к восстанию.

Кифа одобрительно кивнул головой.

– Ты должен подготовить своих последователей к мученичеству и возможной смерти. Мы можем погибнуть, если все дело провалится, но погибнем мы с радостью на наших лицах, во имя Бога и царства его... – патетически заключил епископ.

– Я готов, учитель... – с одобрением произнес Кифа.

Тяжелое молчание установилось в полутемном склепе, среди собравшихся заговорщиков.

– Что агнец твой? Тот мальчик? Готов ли он? – вдруг спросил Ермон у Кифы.

Глаза Кифы сверкнули огоньком застенчивости. Губы его крепко сжались.

– Он готов, учитель, он последует за мной... – робко ответил он.

Ермон лишь слегка кивнул головой.

– Теперь ступай, сын мой... Твое стадо агнцев ждет тебя. – сказал в заключении епископ. – Ступай...

Юноша поднялся со своего места, с великой любовью посмотрел на своего учителя, и немедленно направился к выходу из темного погреба. Там, наверху, его ждал верный, хотя и весьма опасный, друг.

Давид отошел подальше от злополучного дома, на стене которого красовался маленький символ заговорщиков – «ихтис», представлявший собой кровавый рыбий скелет. Он стоял, прислонившись к стене небольшого дома, расположившегося прямо посреди залитой солнцем улицы. Солнце нещадно жгло густые рыжие кудри на его голове. Но Давид как будто не замечал того жара, который царил на улице. Он был угрюм. Низко понутив свою голову и скрестив руки на груди, он ожидал появления Кифы.

Его друг появился снаружи внезапно. Кифа быстро вышел из полумрака, который царил за распахнутой деревянной дверью дома Ермона. Давид увидел, как его друг быстро приближается к нему, но не каких эмоций при этом на его лице не возникло.

– Что с тобой, брат? – спросил Кифа, приближаясь к своему напарнику.

Давид молчал. Он поднял свои глаза и посмотрел на Кифу. В глазах юноши читались гнев и разочарование, в них было что-то, что пока не могло быть высказано.

– Старик сказал все, что хотел сказать? – осведомился Давид.

– Да... – едва слышно ответил Кифа.

Он оглядел пустую улицу, остерегаясь того, чтобы кто-нибудь не подслушал их речи.

– Нам уже недолго осталось ждать, брат... – быстро произнес Кифа, – Учитель уверен, что скоро власти безбожников придет конец. Мы изгоним их с нашей святой земли... Мы очистимся... Нас ждет царство Его...

На неприятном лице Давида не возникло никаких эмоций. Он лишь молча отошел от стены и направился вверх по улице.

Кифа послушно последовал за ним.

– Куда ты сейчас, брат? – спросил он, послушно идя позади своего верного спутника.

– Домой, брат... – ответил ускоривший свой шаг Давид.

Он вдруг остановился и, обернувшись, посмотрел на своего патрона уставшим взором.

– Прошу тебя, друг, не следуй сейчас за мной... – сказал он Кифе. – Ступай к ней... Или, еще лучше, навести своего агнца.

Кифа остановился. В его глазах выразилась сильная растерянность.

– Ступай... Прошу тебя... – повторил Давид, снова продолжая свой шаг. – На сегодня мне довольно твоего общества, прощай.

Кифа остался в совершенном одиночестве. Его радостное исступление после встречи с Ермоном быстро прошло. Теперь ему хотелось беседы с кем-нибудь. Ему хотелось почувствовать чью-то душевную привязанность к себе.

Как только силуэт его верного друга скрылся за аркой одного из домов вдалеке, Кифа решил навестить другого, не менее дорогого для него человека.

Глава третья

Возвращение Императора

Это был одна тысяча шестьдесят шестой год от основания Рима.

Ночной мрак покрыл собой все пространство вокруг каменной дороги, ведущей к славному городу Иерусалайиму. Почти беззвучно в густом и теплом мраке здешней ночи двигались повозки и не спеша скакали лошади. Небольшое войско двигалось в направлении тысячелетнего города.

Если бы кто-то из людей случайно оказался на пыльной дороге в столь поздний час, то он едва бы смог разгадать, насколько сильная и могущественная личность находилась сейчас посреди большой группы римских солдат. Среди большой армады, состоящей из хорошо вооруженных римских легионеров, находился тот, кого в то время именовали правителем всего Востока.

Личность эта, к удивлению вероятного ночного встречного гостя, старалась как можно сильнее скрыть себя и свое лицо под черным просторным одеянием. Она восседала на благородной лошади белого окраса, которая осторожно скакала, неся своего господина вдоль каменной дороги. Однако если бы в сию минуту пустыню в ночной тишине осветил яркий лунный свет, то на руке нашего таинственного всадника блеснуло бы дорогим бриллиантом большое кольцо. Подобные украшения в те далекие времена позволяли себе носить лишь очень влиятельные и одаренные большою властью люди.

И не случайно поэтому, что таинственной фигурой, облаченной в черное одеяние и охраняемой со всех четырех сторон надежным войском из преданных легионеров, был ни кто иной, как сам император Цезарь Галерий Валерий Максимин Август, известный нам также под именем Максимин Дайя. Он был нареченным императором Рима, а также властителем восточных провинций огромной империи. Этот человек вызывал к себе ярость одних и благородное поклонение других народов восточных провинций Римской империи. Его по праву считали великим. И как многие великие личности, он сочетал в своей натуре безграничную доброту и храбрость с безудержным гневом и желанием мести. Судьба подарила ему блестящую возможность – стать великим и увековечить свое имя в истории. Будучи когда-то простым воином, он, благодаря своему незаурядному уму, а также неограниченному честолюбию, сделал блестящую карьеру в римском социуме, достигнув небывалых политических высот. За его преданность и искренность император Галерий нарек его цезарем, одарив Дайю властью над восточными провинциями империи.

Властвовать Максимин начал в весьма беспокойное время, когда на Востоке бесчинствовали банды религиозных бандитов, а среди римских ставленников из местных царей плелись коварные интриги против римского владычества. Не было гармонии и среди самих римских соправителей. В то время их было трое: вышеупомянутый благородный Максимин, Флавий Лициний и Константин.

Все три властителя желали смерти друг другу, но более жестоким и усердным в деле захвата власти был Константин.

Дайя не был лишен честолюбивых планов, но больше всего его заботило установление законного порядка на подвластных территориях. И именно теперь, в это непростое и тревожное время, император Максимин возвращался в свои земли. Ему нужно было пополнить свои силы для новой и кровопролитной гражданской войны, а также прекратить бесчинства и разгул кровавого фанатизма на землях Востока. Его путь лежал в Иерусалайим.

Огромный город был тих и спокоен той ночью, когда его решил бесшумно посетить со своей стражей император. Всадники уверенно направляли своих лошадей вверх по улице, вся эта воинственная процессия старалась быть как можно более незаметной в ночном городе.

Максимин со своим войском прошествовал вдоль главной дороги – *Кардо Максимус* – с юга на север, мимо Храмовой горы. Его путь лежал к форуму, который был построен императором Адрианом во времена восстановления Иерусалайима после второй разрушительной Иудейской войны. Оттуда император последовал к храму Венеры.

На всем пути своего следования, в эту мрачную и прохладную ночь, Максимин был угрюм и молчалив. Он грозно и не прерываясь смотрел перед собой. Его мужественное лицо с черными бровями и волевыми складками вокруг рта выглядело угрожающе. Глаза его были спокойны, но в них таилось некое страшное чувство. Казалось, что великий правитель Востока сейчас находился в неопишемом гневе.

Его вооруженная свита остановилась возле высокого и блестящего золотом Храма Венеры. Здесь внезапно прибывшего императора ожидали самые почетные граждане города, который в те годы, вместо своего прежнего иудейского названия, носил имя Элия Капитолина.

Максимин опустил с своего коня и быстро направился в сторону храма. Жители города восторженно встречали его, но императору в столь тяжелое время было не до любезных и хвастливых приветствий.

– Геркулий! – произнес император своим решительным голосом, войдя в просторный храм.

Навстречу ему вышел седовласый человек. Он был невысокого роста, седовласый, но с весьма приятным лицом.

– Мой император, – подобострастно произнес этот старик, – как радостно, что вы соизволили прибыть в столь тяжелое время в нашу провинцию...

Взгляд Максимиана был суров и безразличен. Быстро оглядев с головы до ног своего слащавого собеседника он прошествовал вглубь роскошного храмового строения.

– Вина! – скомандовал владыка чернокожему рабу, суетившемуся возле входа.

Кто-то из горожан учтиво подставил императору роскошное деревянное кресло с дорогой обивкой, в которое тот сию минуту разложился.

– Итак, Геркулий, я хочу знать... хочу знать, каким образом стало возможно, чтобы безумный плебс стал убивать благородных римлян посреди ночи, в их же собственных постелях! – произнес император воинствующим тоном, сурово глядя на сгорбившегося перед ним седовласого римлянина.

Яркий свет от зажженных факелов осветил одеяние римского владыки. Его красный плащ распростерся на спинке дорогого кресла. Волосы его, кудрявые и темные, но с небольшой проседью, красиво обрамляли императорский лоб. Выразительные темные глаза вопросительно и грозно глядели на собеседника. Тонкие губы были сильно сжаты из-за настигнувшей владыку ненависти к окружающим. Легкая щетина на лице императора не уродовала, но придавала особый воинствующий шарм его лицу.

Максимин слегка отпил сладкого красноватого напитка из подданного рабом позолоченного кубка.

– Я жду твоего ответа, Геркулий... – без капли гнева в своем голосе вновь произнес император. – Как такое стало возможным?

Старик взволнованно, но все же произнес:

– Мой император... все дело в этих преступниках... Их имя христиане... Они не совершенно не слушаются закона... Они исповедают...

Император с ненавистью отшвырнул свой кубок с вином в сторону.

– Мне не важно, что они исповедают! – закричал Максимин. – Пускай исповедают что хотят! Но мне нужен закон! Закон!

Старик пугливо отшатнулся от гнева владыки.

Максимин был в гневе. Новости, приходившие из римской провинции Элии Капитолины, сильно разочаровывали его. Грабежи, убийства именитых горожан, дебоши на улицах, разгул всевозможных фанатиков...

Император поднялся со своего кресла. Взмахнув красным плащом, он прошелся вдоль белой колоннады роскошного храма Венеры. Его мысли в этот момент были не о проклятом городе, который римляне уже несколько столетий подряд не могли обуздать и успокоить. Импе-

ратор думал о новом военном походе. Его войско вот-вот должно было подступить к провинциям на Западе и захватить территорию вплоть до Халкедонского пролива. Однако в самый ответственный момент, когда Дайя был готов нанести своему главному противнику – Лицинию – поражение, и заставить его договориться о прочном политическом и военном мире, последний резко запросил перемирия. Лициний, подстрекаемый третьей стороной, убедил Максимиана, что война будет им обоим невыгодна, и что в данное время им лучше объединится против третьего соправителя – Константина. В результате переговоров, оба императора заключили ряд соглашений. Они приостанавливали военные действия друг против друга до устранения общей опасности в лице Константина.

Этот мир был крайне не прочен. И Максимин Дайя это прекрасно понимал. Он знал, что Лициний не остановится и при первом же удобном случае непременно объединится с их общим врагом против самого Максимиана. Однако правителю Востока нужно было прекратить бесчинства внутри провинций и вновь восстановить законность на управляемых территориях. Его главными противниками в этом деле были многочисленные фанатики, словно дурные ростки, появившиеся на всей территории бывшей Иудеи и угрожавшие всем благочестивым людям своей безнаказанностью в творимых ими преступных делах.

– Закон! Мне нужен закон! – вновь громогласно воскликнул Максимин.

Его голос, словно гром, обрушился на стены храма и отразился густым эхом в огромном позолоченном потолке.

– Мой владыка, – вновь заговорил Геркулий, – декурионы уже распорядились принять меры, чтобы наказать преступников и заставить их ответить за содеянное с несчастным сенатором Ахиллой.

Максимин хранил молчание, его взгляд был уставшим, губы сильно сжаты. Казалось, что он сильно желал отказаться от вверенной ему огромной власти.

– Какие меры, Геркулий, вы приняли?

– Стража будет выискивать среди этих прокаженных, этих людей... христиан, как мы их именуем, тех самых убийц... – нерешительно проговорил декурион Геркулий.

Император с ненавистью отвернулся от старика. Он заложил руки за спину и сделал несколько шагов вдоль величественной храмовой колоннады.

– Рим всегда был терпим к иным религиям и к народам, которые не исповедают наших богов, – решительно начал Максимин, – но Рим никогда не будет мириться с разбойниками, совершающими убийства и грабежи, какой бы сладкой религиозной ложью они не прикрывались...

– Мой император... – удивленно произнес Геркулий.

Император повернулся и внимательно взглянул на своего собеседника.

– Мне искренне жаль тех немногих невинных, которые пострадают от моего решения, но я хочу, чтобы этой мерзкой секты не стало...

– Здесь, мой владыка, в *Aelia Capitolina*?

– Нигде, Геркулий, нигде... Нигде их не должно быть! – воскликнул император.

В глазах римского владыки сверкнула искренимая злоба.

– Я не могу вести справедливую войну с моими противниками, с противниками всего естественного и праведного, когда за моей спиной, в вверенных мне землях, царит разбой и безнаказанность. – суровым голосом продолжил император. – Я составлю закон, который навсегда покончит с этими безбожниками...

Геркулий покорно выслушал гневную речь императора и лишь слегка кивнул своей седовласой головой в знак согласия с владыкой.

Максимин устало махнул своей рукой и опустился в просторное кресло.

– Ступай, мой друг, – проговорил он, – я слишком устал после столь долгого пути, мне нужен отдых...

Вскоре император остался совершенно один, в своих темных покоях. Он лежал на просторном ложе, почти не раздевшись. Многомесячная, нескончаемая усталость терзала его тело. Но времени и возможности для успокоения у Максимиана не было. Слишком грозное настало время. Император чувствовал, какая большая ответственность лежит на его плечах: не позволить Римской империи вновь скатиться в пропасть гражданской войны. Владыка понимал, что если ему не удастся остановить честолюбивые устремления своих собратьев по имперской власти – судьба величайшей империи будет предрешена.

«Только закон. Закон и равноправие», – думал лежа на постели император. – «Закон и равноправие спасут нас всех».

Иудейская ночь опустилась на славный город Элию Капитолину.

Глава четвертая Искушение Кифы

В воздухе стоял дурманящий аромат красивых благоухающих цветов, которые были обильно посеяны в больших глиняных вазах, стоявших неподалеку друг от друга по всему просторному двору. В центре просторной площадки, покрытой красивыми и блестящими узорчатыми плитами, красовался небольшой фонтан. Прямо из его центра поднималось небольшое возвышение, обрамленное глиняными фигурками, из которого красивой, ровной и белой струей плескала вода. Все пространство на задней стороне роскошного дома было покрыто абсолютной тишиной, которая прерывалась лишь слабым плесканием воды в роскошном фонтанчике, да щебетанием декоративных птиц. Небо в этот утренний час тоже было необычайно спокойным и безукоризненно голубым. Казалось, что повсюду, на всем свете, воцарилась первозданная гармония.

Кифа сидел в глубине этого райского сада. На нем уже не было того страшного черного одеяния, в котором он посещал епископа Ермона и собрание христиан. Юноша был одет в дорогую одежду, с прекрасной голубой вышивкой по краям. Его лицо было аккуратно выбрито, темные и густые кудри на голове высохли после мытья и теперь приятно блестели на солнце. Молодой человек расположился на просторной каменной скамье, и, слегка запрокинув голову назад, любовался красивым блестящим небом. Его загорелое лицо в этот момент было умиротворенным и казалось очень молодым и весьма привлекательным. Кифа ожидал, когда к нему из своих покоев выйдет сладкий объект его обожания.

Наконец она появилась.

Айелет вышла из-за небольшого, аккуратно подстриженного дерева. Казалось, что она какое-то время подглядывала за Кифой, не решаясь сразу подойти к нему. Девушка эта была весьма красива и, главное, очень молода. К тому же, ее родители были весьма богатыми и щедрыми людьми.

Едва Айелет проснулась, как к ней явились слуги и рассказали, что в саду ее ожидает молодой аристократ. Молодая римлянка уже на протяжении двух недель не видела Кифу, поэтому она немедленно поторопилась привести себя в порядок и выйти в сад своего дома. Прихорашиваясь, Айелет взглянула в небольшое зеркало. Увидев в нем свое отражение, девушка на несколько минут забыла об ожидавшем ее юноше. Она медленно поворачивалась из стороны в сторону, разглядывая свое почти обнаженное молодое тело. Глядя на свою белую, упругую кожу, красоту которой добавлял яркий солнечный свет, проникавший сквозь тонкие завесы на большом проходе, ведущий на балюстраду, девушка вдруг подумала про себя, что она слишком хороша для простого юноши.

«Я не отдалась бы даже самому Юпитеру», – с улыбкой на своих тонких губках подумала про себя Айелет.

Тем не менее, прекрасная римлянка вспомнила об ожидавшем ее юноше. Закончив одеваться, Айелет быстро спустилась в ухоженный и благоухающий сад, который был устроен и цвел позади роскошного дома ее родителей. Она не сразу подошла к Кифе, который, как ей показалось, сладко дремал, сидя на просторной каменной скамье. Девушка затаилась за небольшим декоративным деревцем, желая немного понаблюдать за своим обожателем. Наблюдая за юношей из-за своего укрытия, Айелет сразу же рассердилась на Кифу за то, что он не слишком почтительно ее ждал. Она без труда смогла рассмотреть, что его глаза были закрыты, а на губах застыла довольная усмешка.

«Подлец, нежится здесь на солнце... – злобно подумала про себя Айелет. – Вероятно, сейчас он полагает, что я схожу с ума и привожу себя в порядок, для того, чтобы предстать перед ним во всей своей красе!».

Гордая соблазнительница решила покинуть свое укрытие. Она быстро направилась в сторону Кифы, желая испугать его своим внезапным появлением.

Однако сон Кифы был чутким, как у пантеры. Он не раз оказывался в ночной засаде, вместе со своими собратьями ожидая очередную жертву для грабежа и убийства. Эти ночные вылазки христиан, в которых он достаточно долго принимал участие, сделали его чутким к любому приближающемуся звуку.

Он внезапно раскрыл свои глаза.

Айелет не дошла до дремавшего Кифы всего несколько шагов. Она оказалась сильно поражена его стремительным и гневным взглядом, который внезапно ее пронзил. Из-за этого хищного и пронизывающего взора девушка внезапно остановилась.

– А, милая... что ты остановилась? – лицо Кифы вдруг озарила лучезарная улыбка. – Тебя испугало мое внезапное пробуждение?

Айелет подошла к нагретой жарким солнцем скамье и села рядом с Кифой.

– Я долго тебя ожидал, моя прекрасная Айелет. – произнес Кифа, с нежностью глядя на объект своего обожания. – Скажи, ты хотела помучить меня подольше, чтобы мое сердце болело сильнее от тоски по тебе...

– Перестань, не говори таких глупостей, – ответила ему девушка, – ты прекрасно знаешь, как много мне нужно времени, чтобы подготовиться ко встрече с тобой.

– Так что же, ты готова пройтись со мной по этому роскошному саду? – тихо спросил Кифа, пытаясь осторожно взять свою возлюбленную за руку.

Девушка ловко убрала свою руку подальше от его крепких пальцев.

– Пойдем, – милостиво сказала она, поднимаясь с жаркой скамьи, – к тому же у меня к тебе есть один важный и интересный вопрос.

Кифа радостно поднялся вслед за ней.

– Ты хочешь спросить, люблю ли я тебя? О, да... Конечно я...

Айелет лишь брезгливо махнула рукой на это отчаянное признание молодого человека.

– Нет, глупец, не это меня сейчас интересует...

– Тогда что, моя милая?

Айелет была не глупой девушкой. Она жила в роскоши и безопасности, но, тем не менее, предпочитала узнавать как можно больше об искусстве и окружающем мире. Философия греков ее интересовала мало, а вот верования и обычаи других народов империи в последнее время вызывали в ней некоторый интерес. Но боги! Как же много ей хотелось узнать, и как мало для этого у нее было возможностей... Проклятый родительский дом и проклятая провинция... ей бы хотелось вырваться из этого города и уехать прочь, как можно дальше...

Вместе с этим странным молодым человеком, который явно хотел обладать ею как своей женой, она прогуливалась по тихо шумевшему листвой и птичьим пением саду. Внезапно Айелет остановилась и внимательно посмотрела на своего спутника. Кифа был несколько поражен ее внимательным и изучающим взглядом.

– Я не иудейка, ты знаешь, но у меня иудейское имя. – вдруг решительно сказала она.

– К чему ты это? – растеряно спросил Кифа.

– Я сочувствую вашему богу и вам... – тихо, почти шепотом, сказала Айелет.

Кифа мгновенно разгадал ее намерения.

– Я знаю, любовь моя, что ты хочешь, – благодушно и снисходительно посмотрев на девушку, произнес он, – тебя, как и многих в этом городе, интересуют деяния этой проклятой секты.

– Но ты напрасно мучаешь меня, я не из их числа, я не принадлежу к этой преступной банде. – продолжил Кифа. – И ничего интересного об их замыслах и будущих деяниях их я тебе рассказать не могу.

Прекрасное лицо Айелет исказилось от негодования.

– Но я знаю кто ты. У тебя есть деньги, есть хорошее имя, но ты ненавидишь все вокруг, ты ненавидишь римлян... – взволновано и сердито проговорила девушка. – Ты бы не смог вот так просто наслаждаться спокойной и сытой жизнью. Нет, только не ты... Я вижу много ненависти в твоих глазах. Говорят, что *ими* зачастую становятся те юноши, которые хотят выплеснуть всю злобу, скопившуюся внутри них...

– Опять я слышу глупости, моя милая, – начал Кифа, – во мне нет никакой ненависти, во мне одна любовь. Любовь к тебе...

Айелет рассердилась еще больше. Она совершенно отстранилась от Кифы и пошла вдоль каменистой дорожки вглубь сада. Юноша растерялся, но, постояв еще немного в одиночестве, побрел следом за ней. Догнав девушку, Кифа попытался вновь ухватить ее за руку, но та вновь осталась неприступной.

– Так чего же ты хочешь меня, возлюбленная? – тихо спросил он.

Айелет вновь брезгливо поморщилась.

– Я бы хотела, что бы меня утешал и радовал человек, куда более интересный, чем ты, мой юный Кифа. – проговорила она с дразнящей ухмылкой на своем юном личике.

Юноша строптиво нахмурился.

– Чем для тебя плох я? – раздраженно спросил он, идя по узкой каменной дорожке, посреди цветущих деревьев, вслед за Айелет, – Почему я для тебя не интересен?

– Ты скучен, Кифа, – ответила та, – если бы ты был кем-нибудь, кроме простого молодого и ленивого аристократа...

Теперь он был не на шутку раздражен. Негодование Кифы, вызванное наглým характером этой молодой женщины, достигло своего предела. Казалось, что он вот-вот ударит Айелет.

Однако сцены насилия не произошло. Молодой человек просто перегородил девушке путь.

– Ты была права, – сказал Кифа, горящими глазами смотря на свою возлюбленную, – я один из них... я часть их секты.

Милая Айелет остановилась и повернулась к Кифе. В ее зеленых глазах блеснул огонек самодовольной победы. Кифа слегка побледнел, ему показалось, что девушка каким-то образом хитро обманула его. Увидев самодовольный блеск в ее глазах и хитрую улыбку, он уже начал жалеть о своих последних словах.

– А ведь оказывается ты можешь быть интересен, мой дорогой обожатель. – произнесла Айелет отворачиваясь от Кифы и продолжая неспешно шагать по каменистой дорожке.

Юноша теперь старался идти как можно ближе к Айелет. Его взгляд был взволнованным.

– Так и что же? – нервно спросил он. – Теперь ты знаешь... но ты должна хранить тайну.

– О! Не беспокойся об этом. – мило улыбнувшись сказала молодая римлянка. – Я не стану выдавать тебя никому, мой дорогой Кифа.

– От твоей благосклонности зависит моя жизнь, – добавил Кифа.

Какое-то время они шли молча. Сделав небольшой круг по саду, юноша и девушка вернулись туда, откуда начали свою прогулку – к уютной каменной скамье. Айелет подошла к скамье и, изящно подобрав свое светлое платье, легко опустилась на нее. Жестом она поманила к себе растерянного Кифу. Тот незамедлительно уселся рядом.

– Я слышала, что ты и твои собратья что-то затеваете против римлян, – равнодушным голосом сказала Айелет, – ты бы доставил мне немало удовольствия, если бы рассказал о ваших планах.

Кифа продолжал растеряно смотреть на нее, она ввела его в большее смятение своим нескромным интересом к его делам.

– Но у нас нет никаких планов, мы ничего не затеваем против римлян. – произнес он.

– Ты напрасно считаешь нас преступниками или мятежниками, мы лишь исповедуем нашего Бога и чтим его. – сказал Кифа, немного собравшись с мыслями.

Айелет слегка усмехнулась.

– А чем именно высокочтимый сенатор Ахилла помешал вам, безумцам, исповедовать вашего бога? – спросила она, несмотря при этом на своего обожателя.

– Мы не виновны в его смерти! – возмутился Кифа.

Айелет громко и расстроено вздохнула. Она слегка пододвинулась к юноше и своими нежными губами поцеловала его в щеку.

– Прощай, мой милый Кифа, мне пора. – сказала римлянка, ловко поднявшись со своего места. – Сегодня наша встреча окончена, но я надеюсь увидеть тебя еще.

Кифа неловко попытался ухватить ее за руку, но та ловко увернулась и быстро направилась прочь. Еще мгновение, и милая Айелет скрылась на крыльце своего дома.

Кифа остался в полном одиночестве, посреди роскошного и цветущего летнего сада. Внезапно его охватила сильная злость. Она была вызвана неудовлетворенными надеждами и слишком быстро закончившейся встречей. Ее поцелуй лишь еще сильнее разогрел его кровь и возбуждал сильное желание.

Айелет осталась недоступной, но Кифа хотел утолить, хотя бы на время, свою плотскую страсть. Он чувствовал всю свою мерзость, но юношеская страсть его была сильнее его же веры и благочестивости.

Глава пятая

Второе искушение Кифы

Марк был необычайно красивым юношей. Его юное личико было миловидным и притягательным. Глубокие темные глаза смотрели прямо и искренне. Черные, слегка вьющиеся волосы, изящно спадали на его ровный лоб. Тонкая шея лишь подчеркивала красоту лица этого мальчика. Помимо своей красоты и стройной юношеской фигуры, у Марка был еще один большой недостаток – юноша был чрезвычайно умен. Нет, он не слишком сильно доверял культу бога Яхве, но в силу своей одаренности прекрасно понимал, что то движение, к которому ему посчастливилось примкнуть, непременно займет лидирующее положение в провинции. А лидерство сулило ему и всем его единоверцам большие возможности, а может даже и благосостояние. Семья Марка была крайне бедна, да и вообще находилась на грани разорения. Мальчик не на шутку опасался голода, который мог постигнуть его несчастного отца, а также всех братьев и сестер из дома Марка. Участие же в христианских вылазках на богатые дома римлян приносило Марку некоторую выгоду, пускай и небольшую по сравнению с тем риском, которому он подвергался во время очередного разбоя. Теперь Марк тоже был добытчиком в своей семье, а семья его была очень благодарна мальчику за это.

Итак, наш юный Марк сидел на каменных ступеньках под большой каменной аркой неподалеку от своего дома. Стояло то самое жаркое летнее утро, когда Кифа раскрыл свой секрет своей возлюбленной Айелет. Марк не стремился найти своих сверстников, чтобы скоротать время в беспечном детском веселье. Ему было всего немного лет, но сам юноша уже ощущал себя взрослым. Мальчик про себя презирал своих сверстников, он презирал своего отца, почти всех людей, которые его окружали. Только один единственный человек был уважаем Марком. Этим человеком был его молодой наставник. Кифа был на десять лет старше Марка, и именно он взял на себя обязанность перед всей сектой *свидетелей* воспитать из мальчика верного последователя их бога. Кифа многому научил своего подопечного. Именно благодаря своему пламенному наставнику Марк перестал страшиться убийств и грабежа. Несколько месяцев назад Кифа и Давид взяли его в первый поход в жилище одного богатого римлянина. Набег христиан закончился вполне удачно: безбожник был убит, а все его богатство досталось секте. В тот самый вечер, когда состоялся этот грабеж, Марк не без интереса наблюдал, как Кифа собственными руками хладнокровно душил жену римского богача. Окровавленное тело самого хозяина дома лежало без движения в спальне. Марк хорошо запомнил, как Давид с противной улыбкой на своем лице вытер свой окровавленный нож об одежду мертвого римлянина.

Сидя на теплых ступенях посреди пустынной улочки, Марк вновь и вновь воспроизводил в своей памяти тот волнующий момент, когда обрадованный большой наживой в доме убитых римлян Кифа подбежал к нему и протянул ему свой нож.

«Там, на верху, остались дети неверных, – произнес Кифа, протягивая Марку окровавленное орудие, – пойдя к ним, и закончи начатое нами. Мы должны увидеть, насколько сильно ты любишь нашего бога! Ступай же!»

Марк повиновался. Он уверенным шагом начал подниматься по небольшой лестнице на верхний этаж дома. Там, в одном из спальных помещений, он нашел двух маленьких испуганных мальчиков.

Увидев молодого юношу, дети отважились спросить у Марка где их мать и что произошло внизу, почему взрослые так сильно кричали в ночи. Марк не стал долго размышлять и оценивать свои действия. Он хладнокровно занес орудие над головой одного из детей. Несчастное дите не успело даже вскрикнуть. Марк быстро и аккуратно рассек артерию на его шее. Второй мальчик, словно испуганное маленькое животное наблюдавший за убийством своего брата, постарался уйти от неминуемой гибели, забившись в самый темный угол комнаты. Однако вскоре юный убийца настиг и его. Ребенок успел лишь слабо вскрикнуть, прежде чем острый нож в руках нашего милого Марка сделал свое дело. Едва юноша завершил начатое, как на пороге комнаты, где произошло страшное деяние, возникла фигура Кифы. Увидев содеянное, он был весьма обрадован успехами своего ученика. Марк вспомнил, как рука наставника в тот знаменательный вечер мягко легла на его плечо.

«Ты справился». – добродушно произнес тогда Кифа, склонившись позади Марка и прошептав эти слова прямо в ухо юноше. – «Ты справился, мой милый ученик...».

Сказав это, Кифа ласково поцеловал мальчика в щеку.

Этот поцелуй был последним событием того достопамятного вечера, которое Марк сумел запомнить.

Теперь он сидел совершенно один, на углу тихой улицы, в тени небольшой каменной арки. Начавшийся день не предвещал мальчику ничего хорошего. Кифу он не видел уже несколько дней, а возвращаться в свой дом, где его ждали голодные и озлобленные родственники, юноше совсем не хотелось.

Внезапно Марк почувствовал, что кто-то приблизился к нему сзади. Он не успел обернуться, так как знакомая добрая рука коснулась его худощавого плеча.

– Ты ждал меня, ученик? – произнес Кифа, стоя позади юноши и мягко обхватив его нежное плечо своей крепкой рукой.

Марк крайне обрадовался появлению своего любимого наставника. Он быстро поднялся на ноги и утвердительно кивнул своей красивой головой.

Кифа внимательно и с нескрываемым интересом оглядел одеяние своего наставника. Оно возбудило в нем большой интерес. Мальчик был одет в некое подобие греческого паллия. Легкий и теплый ветер обдувал его ноги, слегка приподнимая края его одежды.

– Пойдем, мой друг, – сказал Кифа, по-прежнему держа мальчика за плечо и уводя его за собой, – я пришел, чтобы дать тебе очередной важный урок.

Марк безропотно последовал за ним.

Оба юноши направились вниз по улице, туда, где на городских окраинах располагались очень темные и невзрачные места.

– Нам нужно уединиться, Марк, – слегка взволнованным голосом проговорил Кифа своему наставнику, – этот урок будет очень важен, нам не нужны свидетели.

Мальчик полностью доверился своему старшему наставнику. Он доверчиво и с большими надеждами в своей юной душе следовал за ним.

Кифа и его маленький спутник остановились возле небольшого, землистого цвета, двухэтажного здания, которое располагалось в самом невзрачном и потаенном углу глухой улицы. Кифа поднял свою руку и с большой силой постучал в толстую и дряблую деревянную дверь, прикрывавшую вход в это неприятное место. Спустя минуту дверь со страшным скрипом, сопровождавшимся скрежетом старого дерева, распахнулась. На пороге Кифу и Марка встретила уже немолодая и наполовину седая женщина, напоминавшая старую иудейку. Она была одета в некое поношенное серое платье, которое, тем не менее, сохраняло свой первозданный приличный вид. В первую очередь невысокая женщина оглядела Кифу. Некое подобие улыбки выступило на ее престарелом загоревшем лице.

– Кифа, дитя мое! Как я рада твоему приходу! – с сильно наигранной радостью сказала хозяйка дома.

– Оставь свою радость для других гостей, Космина. – недовольно произнес Кифа. – Мне нужна комната.

– Тебе повезло, мой милый, – сказала хозяйка, совершенно перестав улыбаться, – вчера у меня остановилось много путников из разных стран, но для тебя я найду место. А кого ты привел с собой?

С этими словами женщина обратила свой взор на красивого юнца, который стоял чуть позади Кифы.

– Не твое дело, старуха! – злобно прошипел Кифа. – Дашь ты нам войти или нет?

Женщина послушно отошла в сторону, пропуская обоих юношей в полутемное и сырое помещение.

– Там, наверху, ты знаешь ту комнату. – сказала Космина, когда Кифа и Марк оказались внутри ее жилища. – Можете пойти туда.

Говоря это, она указала рукой куда-то вверх. Должно быть, для Кифы этот жест был вполне понятен.

– Идем. – повелительно сказал он, ведя Марка к узкой каменной лестнице, уходящей высоко вверх.

Поднявшись наверх, Кифа быстро обнаружил небольшую пустую комнату. Здесь же располагалось еще три комнаты, двери в которые были наглухо закрыты. Слабый шум, доносившийся из-за закрытых дверей, говорил о том, что там есть какие-то постояльцы. Кифе это не очень понравилось. Пока он и Марк поднимались наверх, Кифа полагал, что хитрая Космина обманула его, сказав, что кто-то еще остановился в ее неудобной ночлежке. Он хотел, чтобы это свидание с Марком осталось для всех тайной. Лишние люди, присутствовавшие, пускай и за закрытыми дверями, в этом доме сильно смущали Кифу.

Однако тело и душу его мучила сильная страсть, и он решил довести начатое до конца.

Пропустив в пустую комнату своего милого Марка, Кифа быстро прикрыл дверь. Он постоял возле нее, а затем повернулся к своему ученику. Мальчик выжидающе, с большой любовью и надеждой в своих темных глазах смотрел на своего наставника.

Кифа вновь и очень внимательно оглядел Марка. Вид его стройной фигуры и красивых юношеских ног, выглядывавших из-под чистого одеяния, сильно взбудоражил воображения яростного последователя новой религии. Он подошел к Марку и ласкового положил ему на плечо свою руку.

– Скажи мне, друг. Искренне ли ты веришь в нашего бога? – спросила Кифа, быстро переводя дыхание.

– О, да, наставник. Всею своею душой. – ответил Марк.

– Готов ли ты отдать ему всю свою любовь и всего себя самого? – продолжал Кифа, сильнее сжимая плечо Марка.

В глазах мальчика выступили слезы умиления.

– Я готов отдать ему себя целиком, лишь бы он был милостив ко мне.

Рука Кифы соскользнула с плеча Марка вниз и коснулась его оголенной руки.

– Он может потребовать от тебя жертвы в любой момент, понимаешь. Даже прямо сейчас. – голос Кифы становился все слабее, ему тяжело было дышать.

– Да... да... – все также ревностно ответил мальчик.

Кифа решительным рывком прижал его к стене, а затем обхватил обеими руками его хрупкие мальчишеские плечи.

– Я привел тебя сюда, мой ученик, чтобы ты познал его любовь, – сказал Кифа, почти задыхаясь от волнения, – Ты должен познать любовь, чтобы затем отдать ее нашему богу. Ты готов к этому?

Марк своей юной интуицией начал понимать, что хочет сделать его любимым учитель. Но он был искренне влюблен в него, даже сильнее чем в самого бога, которому ему предстояло научиться поклоняться и которого требовалось любить.

Тем временем учительские руки Кифы опустились еще ниже. Осторожно, не отпуская юношу от стены, он повернул его спиной к себе. Марк почувствовал дыхание Кифы и взволнованно ощутил, как снизу поднимается край его одежды.

– Ты должен... ты должен познать... – быстро повторял учитель, все теснее прижимаясь к его спине.

Через несколько мгновений Марк почувствовал нестерпимую боль, которая нарастала все сильнее. Однако он со всей силы сжал свои губы, чтобы не закричать. Он доверял своему наставнику-властителю и хотел быть преданным ему.

– Познать... ты должен познать... – говорил Кифа, сладострастным и отвлеченным голосом.

В отличие от своего преданного ученика, он ощущал небесное блаженство. Ему хотелось, чтобы это сладостное наваждение не отпускало его. Его разум совершенно затуманился в это мгновение. Он видел перед собой Марка и Айлет попеременно. Воображение его как будто сошло с ума. Черета красивых образов в виде обнаженных женских и юношеских тел, мелькавших в его сознании, наконец привела его к вершине блаженства. Слегка приоткрыв рот и запрокинув голову назад, он медленно отстранился от своего подопечного. Кифа поддался искушению, но вознаграждением для него стала его насытившаяся плоть.

На глазах Марка выступили слезы. Они были вызваны не только болью, которую ему причинил наставник, но и другим, непонятным и тревожным чувством. Он оправил свою одежду и взглянул на Кифу. Тот стоял, прислонившись к деревянной двери, его дыхание становилось все более ровным. На лице наставника выступил обильный пот. Молчание между двумя молодыми людьми продолжалось довольно долго. Окончательно отдышавшись, Кифа взглянул на мальчика.

– Любить и отдавать свою любовь тяжело, особенно нам, свидетелям божьим... – начал говорить Кифа. – Ты должен научиться любить, это самое главное, что требует от нас наш бог.

Марк ничего не ответил, он стоял перед учителем молча, потупив свои глаза.

– Скоро, совсем скоро, ты и я получим вознаграждение за нашу преданность богу. – продолжил Кифа. – Епископ сказал мне, что мы начнем восстание, когда в город вернется император.

Марк неожиданно забыл о своих недавних страданиях и боли. В его глазах мелькнуло неистовая злорадия и презрение.

– Значит, уже совсем скоро? – спросил он. – И ты возьмешь меня с собой и позволишь участвовать в нем?

Кифа радостно усмехнулся пылкости своего подопечного.

– Конечно, готовь свой нож. – сказал он, вновь подходя к мальчику и обнимая руками его плечи. – Мы совершим правосудие над неверными, а все их имущество поделим между нами и нашим богом.

Марк был рад этим словам Кифы. Они произвели на него большой эффект. Ему казалось, что все те страдания, которые он пережил в этой тесной комнате, в один миг искупались этим откровением учителя. Близится расправа над неверными, а, значит, и нажива. Причем большая нажива. Марк про себя решил, что насилия и грабеж, вызванные массовым восстанием его собратьев в городе, позволят ему украсть несметные сокровища, которые хранятся в домах неверных.

– Так когда, когда? – решительно спросил он у Кифы. – Когда восстание?

– Скоро, совсем скоро, – произнес учитель.

Кифа ненадолго задумался. После короткой паузы он добавил, доверительно глядя в глаза мальчику:

– Не предавай значения случившемуся здесь, мой милый Марк. Этот ритуал обязателен, он заставляет лучше понять жертвенность и любовь к братьям и нашему Господу.

Кифа не мог подобрать других слов. Он и не хотел этого делать.

Марк лишь равнодушно кивнул своей головой на это короткое замечание наставника. Перед тем как выйти из комнаты, Кифа осторожно сунул юношу небольшой кожаный мешочек с несколькими тяжелыми монетами внутри.

Когда юноши покинули унылую гостиницу Космины, их пути разошлись. Ни о чем не договариваясь заранее, они разошлись в разные стороны. Каждый из них направился в свой дом.

Глава шестая

Новый закон

Спустя семь дней после возвращения императора Максимиана в провинцию, в центре города была установлена крупная бронзовая колонка. На ней четко и аккуратно был выгравирован указ Максимиана. В преамбуле своей указ этот содержал восхваление всего пантеона римских божеств, а также благодарность им за сотворение всего живого на свете. Указ, приписываемый Максимиану, содержал также одобрительные отзывы всем людям, которые неуклонно поклонялись римским богам и соблюдали традиции своих предков.

Здесь же, в этом высеченном на колонке указе, упоминалось и о преступниках, которых римляне нарекли христианами. Император упрекал последователей этой секты в тщеславии и глупости. Владыка также милостиво прощал всех тех заблудших людей, решивших порвать с этой сектой. Но тех, кто упрямо продолжал следовать «величайшему заблуждению» и исповедовал христианство, император повелевал выгнать из города и провинции: «дабы город, изба-

вившись от этой скверны и нечестия, обратился бы к благоговейному служению бессмертным богам».

Тем же преступникам, которые пожелают отречься от своих фанатичных заблуждений и вновь жить в соответствии с римскими законами и почитать богов, император обещал милости и щедроты.

«Согласитесь только сделать это, и вы получите все без промедления. Оказанная вашему городу милость, будет всегда свидетельствовать о вашем благочестии и любви к богам, а для ваших детей она станет доказательством, что по вашей мудрости и вы получили щедрую награду за выбранный вами жизненный путь», – было сказано в указе императора Максимиана.

Новость об этом императорском указе быстро охватила всю провинцию Элию Капитолину. Люди начали шептаться. Многие из них знали, что их знакомые или друзья стали участниками того движения, которое стало так ненавистно императору. Стали даже говорить, что коварный Максимиан задумал истребить всех религиозных преступников, упоминавшийся в его законе, как только те придут к нему ради прощения. Однако сам император Востока был твердо уверен в своем решении не причинять вреда заклтым врагам римских традиций и законного порядка. У Максимиана была другая цель – заставить их соблюдать традиции силой убеждения, хотя бы они того или нет. Император уже создал указ, который предписывал всем, кто именовал себя последователями новой веры, послушно совершать жертвоприношения римским богам. В ответ на это император клялся предоставить этим людям защиту от произвола сограждан и гонений со стороны властей. Император также затребовал у местных декурионов список всех известных им в этой провинции христиан. Он решил заставить как можно большее количество этих людей собраться в одном месте. Там император потребует от них совершения жертвоприношения. Это, по мнению Максимиана, не станет актом насилия над живыми людьми, *«но продемонстрирует отступникам от закона и совести насколько сильно римское право и римская власть»*. Пока же его поручение приводилось в исполнение, император возлежал на просторной скамье в своей резиденции в центральной части бывшей столицы Иудейского царства. Из полумрака своих покоев он наблюдал за заходящим солнцем. Его лицо было спокойным, а разум наслаждался установившимся в этот вечерний час на улицах столицы тишиной и покоем. Только далеко в дали, где-то на самой окраине городских кварталов, ярко горели небольшие огни. Император подумал, что возможно это были факелы, однако он не придавал этому явлению большого значения.

То действительно были зажжённые факелы. И несли их заклтые враги императора Максимиана. Христиане, или *свидетели*, как они себя называли, уже узнали о намерениях римских властей. Многие из представителей этой полутайной секты, узнав о планах императора, внезапно вернувшегося из военного похода, решили покинуть свои дома и бежать из города. Среди многих из них еще были свежи воспоминания о недавних гонениях, устроенных римлянами. Имя Диоклетиана все еще внушало страх многим из последователей новой религии.

Именно поэтому большинство горожан, значившиеся в римских списках как христиане, решили на закате покинуть свои дома. Многие люди думали, что Максимиан своим указом положил начало новому страшному гонению.

Большая группа людей скопилась на южной окраине города. Многие уже запрягли своих лошадей. Другие, вследствие своей бедности, использовали ослов для перевозки маленьких детей и всего своего скарба. Солнце зашло за горизонт, а по городу поползла липкая, густая ночь. На улице зажглось несколько десятков факелов. Люди старались как можно скорее собрать свои пожитки и сбежать куда-нибудь со своей семьей, спрятавшись от злобного императора в другой части империи.

Кифа шел вдоль череды небольших опустевших домов с зажжённым факелом в руках. Он не обращал внимания на беснующуюся вокруг толпу своих соратников, которые решили

бежать, лишь только их жизням начала угрожать опасность. Кифа шел в сторону дома епископа.

Он подошел к знакомой крепкой деревянной двери и громко постучал в нее. Продолжительное время никто не отвечал на его внезапный визит. Однако спустя какое-то время дверь все же отворилась и из нее показалось лицо знакомой пожилой женщины.

– Что тебе? – негостеприимно спросила она.

– Епископ, – взволнованно проговорил Кифа, – мне нужен епископ, проведи меня к нему.

– Сегодня он не может никого видеть, убирайся... – с этими словами старуха захлопнула дверь прямо перед носом незваного гостя.

Кифа был в ярости от такого обращения. Однако ничего сделать он не мог. Ударив со всей силы по проклятой деревянной двери ногой, он отправился прочь.

Теперь его путь лежал к дому своей возлюбленной – Айелет.

Достигнув большого дома, который принадлежал семье Айелет, Кифа настороженно остановился напротив его ворот. Дом показался ему совершенно пустым. В его окнах не было света, а вокруг царил мертвая тишина. Кифа не знал, что ему делать дальше. Ему казалось, что в эту неприятную ночь его бросили все. Все его знакомые соратники бежали из города, епископ Ермон молчал, несмотря на нависшую над всем братством бедой, а двери дома, принадлежавшего его любимой женщине, оказались закрыты. Кифа почувствовал, как его со всех сторон обступают темнота и безнадежность. В его несчастную голову закралась страшная мысль о возможном отсутствии того самого всемогущего Бога, в которого он с такой слепотой верил. Ведь не бросит же Всемогущий его в такое страшное время...

– Я знал, что отыщу тебя здесь, брат.

Голос Давида в этот момент показался Кифе счастливым избавлением от всех страхов и отчаянья.

Обернувшись, он увидел своего старого напарника возле стены на противоположной стороне улицы. Давид стоял в полурасслабленной позе, скрестив руки на груди, и с улыбкой смотря на растерянного Кифу.

– Ты не бежал из города? Почему? – радостным и растерянным голосом спросил Кифа у своего приятеля.

– Разве ты не слышал о приказе тирана? Почему? – повторил юноша свой вопрос.

Давид плавно отделился от стены и медленно направился навстречу Кифе.

Его лицо в ночном мраке показалось тому очень бледным и неприятным. Рыжая борода этого молодого человека необычайно старила его и предавала его лицу еще более отталкивающие черты.

– Бегут от тирана только глупцы. – ответил он Кифе. – И я вижу, что ты не из их числа.

Он совершенно приблизился к Кифе, и встал прямо напротив него. Он посмотрел мимо своего напарника, прямо на темные окна дома Айелет. Затем его взгляд вновь обратился на растерянного Кифу. На лице Давида вновь выступила неприятная ехидная гримаса.

– Ну что, ответила она тебе взаимностью, брат? – спросил он, обнажая в улыбке свои темные зубы.

– Не твое дело... – резко пресек его дерзкий выпад Кифа.

– Зато я знаю, кто ответил... – продолжая улыбаться, ответил Давид.

Кифа решил не поддаваться на его провокации. Он молча и равнодушно взглянул в его глаза, а затем спросил твердым голосом:

– Где епископ? Видел ты его?

Лицо Давида вдруг стало мрачным и недовольным. Он явно был чем-то сильно раздражен.

– Твой любимый епископ – трус и шарлатан.

Кифу возмутили эти слова мерзкого юнца, но он сумел сдержать себя, чтобы не нанести тому удар кулаком в лицо.

– Не смей так говорить! – крикнул он на всю улицу. – Что он сказал тебе?

– Я был у него сегодня днем, едва появился указ Максимиана о нас. – злобно заговорил Давид. – Я предлагал твоему Епископу начать восстание, когда многих из нас приведут на поклон этому мерзкому убожеству – Максимиану. Клянусь богом, я готов был лично выхватить нож и броситься на этого тирана. Пускай только он хоть на одно мгновение останется без стражи. О, проклятое отродье!

– И что же Ермон? – в большом возбуждении спросил Кифа.

Давид сверкнул на него разгневанным взглядом.

– Человек, именуемый себя главой церкви в Йерушалайиме, ответил мне, что время мести еще не пришло. Он сказал, что бог не хочет нашей жертвы сейчас, а смерти врагов наших – уже завтра.

Кифе потребовалось немного времени, чтобы осмыслить слова своего названного брата. Он понял причины необузданного гнева, который терзал Давида.

– Так давай же совершим это великое дело вместе, – собравшись с мыслями, произнес Кифа, – я ненавижу диктатора не меньше тебя.

– О, нет. Я не верю тебе, брат. Ты слишком послушен воле своего епископа. – произнес Давид.

– Убийство ненавистного чудовища необходимо всем нам, и даже Ермону. – ответил Кифа. – Возможно у него есть другой план на этот счет.

– Его планы всегда остаются в тайне, поэтому мы не узнаем, есть ли они у него вообще, брат.

Кифа решил во что бы то ни стало усмирить пылкость своего соратника.

– Веришь ли ты мне как своему брату и соратнику? – решительно спросил он у Давида.

Тот усмехнулся в ответ. Но тут же вновь стал серьезен.

– Если твои цели совпадают с моими, то никаких сомнений в моей преданности тебе быть не может, брат. – ответил Давид, с большой надеждой в глазах смотря на Кифу.

Тот быстро обернулся по сторонам и, убедившись, что на улице кроме них никого нет, заговорил более тихим, заговорческим, голосом:

– Мы пойдем убивать тирана вместе, я поддержу тебя, и закончу дело, если ты не сможешь зарезать его самостоятельно. – говорил Кифа. – Но прошу тебя, пускай это совершится не завтра...

– Почему это не должно совершиться завтра? – недовольно прервал его Давид.

Кифа пронзительно всматривался в его лицо.

– Ты же не глуп, ты же понимаешь, что уйти живыми после убийства Максимиана нам не дадут. Безбожники убьют нас, а заодно и всех братьев.

– К чему ты клонишь, говори скорее. – Давиду начали надоедать неясные измышления его друга.

– Дай мне только один день, завтрашний. – резко ответил Кифа. – Я приду к епископу и поговорю с ним, я уговорю его поддержать нас, начать восстание против безбожников.

Давид глубоко задумался. Он склонил свою голову вниз и как будто мысленно отстранился от всего вокруг. Кифа решил не прерывать ход его мыслей. Спустя какое-то время напарник Кифы вновь взглянул на него. Грубый голос Давида показался Кифе суровым и слегка пугающим:

– Завтра Максимин начнет свое глумление над всеми нами, над всей нашей церковью, над нашей верой. Над нашим богом. Для меня было бы лучше умереть, чем видеть это несчастье. Но с собою я хочу забрать это чудовище, пускай даже ценою своей жизни...

– Всего один день, брат... – внезапно вмешался в его монолог Кифа.

Давид лишь нетерпеливо отмахнулся рукой от этих слов.

– Ты просишь у меня, чтобы я терпел этот позор в течение целого дня, и при этом оставался в живых. Я могу дать тебе такое обещание, но только из-за большой веры в тебя. Веры в твою помощь.

Кифа внезапно понял, что эти слова означают согласие. Едва Давид окончил свою речь, он крепко обнял его за плечи и поцеловал в заросшую грязной бородой щеку.

Не теряя зря времени, они договорились о тайной встрече на следующее утро. После этого их пути молча разошлись.

Глава седьмая

Истязание

Солнце рано взошло над тысячелетним городом. Улицы его стали быстро оживать. Едва утреннее солнце нагрело камни на мостовой, как из своих домов стали выходить жители столицы. На узких улицах в это жаркое утро скопилось много народу. Большинство людей были одеты в праздничные одеяния и радостно улыбались, предвкушая веселое зрелище. Среди толпы были молодые мужчины и женщины, богатые негоцианты, вельможи, старики и распаявшиеся дети. Путь всех этих людей в жаркое утро максиминовых представлений лежал к храму Венеры. Именно там должно было состояться главное действие сегодняшнего дня.

Как и было условлено, Кифа и Давид встретились незадолго до восхода солнца. При встрече они заговорчески взглянули друг на друга, однако не проронили при этом ни слова. Спустившись вниз по улице, они остановились под большой каменной аркой, ожидая начала шествия толпы. Вскоре они действительно увидели начало шествия. Мимо них с каждой минутой проходило все больше и больше людей. Оба юноши с неприязнью вглядывались в лица этих горожан, проходивших мимо них, под высокой аркой. О, они-то знали, в чем заключалась радость этих людей сегодняшним утром. Все эти женщины, мужчины и дети шли к храму

Венеры, туда, где император Максимин приказал христианам совершить жертвоприношения римским божествам.

Толпы людей, несмотря на духоту, царящую на городских улицах, шествовали в это воскресное утро к храму Венеры.

Взобравшись на крышу высокого здания, Кифа и Давид внимательно наблюдали за происходящим внизу. Среди римлян, охранявших улицы, они глазами выискивали ненавистного им императора.

– Нужно идти к храму, возможно истязатель уже там. – произнес Давид.

Не спеша они сошли вниз.

Император действительно был возле храма. В окружении небольшой охраны из преданных пехотинцев, он ожидал, когда к нему приведут всех христиан, отобранных в округе. Специально для императора декурионы приготовили большое кресло, которым, однако, тот не спешил воспользоваться, предпочитая оставаться на ногах. Его длинный белый плащ слегка колыхался от неспешных движений, на поясе висел длинный меч и голову его украшал золотой лавровый венок. Глаза его были сильно уставшими, но лицо оставалось необычайно суровым. Император решил во что бы то ни стало закончить сегодняшнюю экзекуцию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.